

Поначалу его трость вызвала у меня недоумение: для чего этому сравнительно молодому человеку (на тот момент Холмогорову было тридцать шесть) дополнительная опора? Я даже забеспокоился: не после инсульта ли мой новый знакомый? И тут же подумал: «Не рановато ли?» Потом прочитал в его «Барселонских заметках», что, будучи в Испании, он «обзавёлся очень удобной тросточкой с перламутровой ручкой». И дальше: «Не понимаю, как я предыдущие тридцать шесть лет жизни провёл без трости».

Я облегчённо выдохнул. Если помнить, что шестнадцатилетний Пушкин оставил зарубку о Николае Карамзине: «В комнату вошёл старик лет тридцати», — то всё становится на свои места: трость придаёт Холмогорову больше солидности. Впрочем, теперь-то, когда ему сорок пять, когда Егор Станиславович пусть не завсегда (завсегдаги утомляют), но признанный эксперт федеральных телеканалов — от НТВ до «Царьграда», нужна ли и важна ему эта самая солидность?

На мой взгляд седовласого юноши, он и так выглядит умудрённей своего возраста. И дело тут не только в ношении бороды, а в демонстрируемых сполохах ума и эрудиции, токующей речи персоны вполне узнаваемой, медийной. Но, очевидно, не хватало единственного — трости.

И вдруг, по окончании нашего разговора, меня осенило, для чего Холмогоров трость. Получив эсэмэску, которая свидетельствовала о нервной реакции безызывестного галериста Марата Гельмана на пребывание моего собеседника в Перми, Егор с ликующим возгласом: «Я всё-таки Гельману впарил!..» — произвёл своей тростью русского националиста движение, равноподобное удару бильярдного кия, загоняющего шар в лузу!.. Однако!

— Егор, меня всегда интересовали свойства. Например, существует ли тайна крови, её магнетизм? Или это — из разряда, когда желаемое принимают за действительное? Тогда отчего же в народе нашем так живучи и любимы анекдоты, где обязательно пасьянс — американец, немец, француз, еврей и русский? В чём тайна русской крови, если учесть, что она такого же цвета, как кровь представителей других национальностей?

— Помню, как мы с одним молодым автором из Новгородской области обсуждали телесериал «Раскол». И он вдруг начал говорить совершенно странные вещи, не соотносящиеся со Священным преданием. Например, что двуперстное перстосложение — это ересь и несторианство. В общем, повторял абсурдные тезисы никоновской пропаганды первых десятилетий начала раскола. И когда я привёл довод, что в соответствии с современным учением Русской православной церкви оба обряда равночестны и вообще так крестились наши предки Сергей Радонежский и Иосиф Волоцкий, мой собеседник воскликнул: «Сразу видно, что у вас — старообрядческая кровь и происхождением вы из староверов!» И — угодил в точку.

Дело в том, что, приехав в Пермский край, я в каком-то смысле прибыл на свою историческую родину. Потому что мои бабка и дед — отсюда. Мой отец родился в Краснокамске. И был первым человеком в нашей семье, которого крестили в господствующей церкви, а не в старообрядческом беспоповском согласии. А до того многие поколения нашего рода были исключительно старообрядцами. Моя бабка Олимпиада Денисовна Кузеванова рассказывала мне об этом в тысяча девятьсот девяносто пятом году. В том числе — как её пороли в детстве, если она, будучи на базаре, забывала и покупала мирские ложки (так она говорила), а не ложки у старообрядцев. И, если вернуться к нашему обсуждению телесериала, конечно, мне было забавно услышать упрёк о наличии во мне старообрядческой крови...

— Получается, даже у русских — две крови, а может, даже больше? Что же тогда говорить о других нациях и народностях?!

— Знаете, в данном случае это даже не кровь, а воспитание и направление ума, которые передаются человеку с кровью...

— Стало быть, кровь — как метафора?

— Да. Но если рассуждать без метафор, я могу сказать точно: кровь важна в том смысле, что она является основанием для духовного братства. Если человек отрицает людей собственной крови

и своего народа, если он делает презрительный жест: «Это — алкаши, недостойные меня, высококультурного человека, твари, а вот, скажем, есть расчудесные лезгины, великолепные таджики, умопомрачительные норвежцы, и они мне — истинные братья по духу, а с этим русским быдлом я ничего общего иметь не могу и не хочу!» — то на самом-то деле либо у автора этих слов у самого нечисто с происхождением (он просто его скрывает, а в действительности — торгует своей идентичностью), либо он глубоко духовно повреждённый.

Потому что каждый, самый больной, наш брат по крови, спившийся и сколовшийся, опустившийся до преступления, всё равно остаётся для нас братом. И мы должны потратить все силы, чтобы его спасти. Пусть даже для его спасения нужно будет его побить и сковать наручниками, чтобы он слез с иглы. Но при этом мы не можем сказать, что вот есть чудесный лезгин и он для нас ближе, чем свой, русский. Эта черта — отречение от братства по крови во имя мифических братств по духу — очень чётко характеризует тех, кто не может или не хочет по тем или иным причинам называться русским.

— Тогда возьмём классические примеры: Пушкин с разбавленной эфиопской кровью, Лермонтов — с шотландской, Блок — с немецкой. Между тем, думаю, никто не будет оспаривать, что все они — наиболее яркие выразители русской сути. Тот же немец Владимир Даль, составивший уникальный словарь великорусского говора. А текст песни «Поле, русское поле», которая в известном смысле стала воплощением русской души? Его написала Инна Гофф. Музыку — Ян Френкель. Выходит, чужая кровь усиливает эхо титульной крови?

— Я так сказать не могу. На каждый приведённый вами пример можно найти примеры с чистокровными русаками. Но давайте разберём пример Пушкина. Когда мне говорят, что Александр Сергеевич по происхождению эфиоп, я всегда отвечаю: «Пушкин по происхождению Пушкин». Потому что и его мать, и его отец — из древнейшего боярского рода, идущего аж от Гаврилы Алекси́ча — соратника Александра Невского.

— Но Ганнибала-то сбрасывать со счетов вы не будете?

— Когда существует такая мощная семейно-бытовая традиция, человек вырастает прежде всего в ней. И его корни от Ганнибалов обернулись настолько забавной экзотикой, что Пушкин по молодости, когда он был поэтом-романтиком, подражающим в некотором роде Байрону, сам в эту экзотику заигрался. Есть же знаменитая гравюра Гейтмана, где поэт очень похож на юного африканца.

Но существует оригинал этой гравюры — акварель, которая написана непосредственно с Пушкина, позировавшего перед художником. Это такой

белокурый, романтичный, но совершенно славянский мальчик. То есть превращение под кистью художника Пушкина в негритёнка — это не более чем романтическая игра. Никто не мог себе тогда представить, что в конце двадцатого века наши, извиняюсь, «толерасты» начнут эту игру воспринимать всерьёз и даже — как инструмент атаки на русскую идентичность. Дескать, ваш величайший поэт — и тот негр!

Хотя понятно, что Пушкин даже по самым чрепомерным расовым законам и то бы считался стопроцентным русским, каковым, собственно, он себя и ощущал. Прочтите «Мою родословную». Это стихи донельзя спесивого представителя старого боярского рода, который очень издевательски называет себя мещанином. Да, я — мещанин, но по сравнению с кем? Дальше он перечисляет: «Не торговал мой дед блинами, в князя не прыгал из хохлов...» То есть — по сравнению с новым дворянством петровской эпохи, богатыми и «сиятельными» князьями, которые на самом деле были выскочками из ниоткуда. На этом фоне почему бы не побыть мещанином из рода, которому почти тыща лет?

Здесь чувствуется своеобразная гордость человека, знающего, что у него в шкафу — на столетия запас родовых грамот, у которого настолько всё хорошо с идентичностью, что он может себе позволить кокетничать с Ганнибалами — то, чего человек, менее уверенный в своей идентичности и происхождении, не мог бы позволить себе. Пушкин же не случайно издевался над Фаддеем Булгариным, польским дворянином и русофобом, который, напротив, всё время пытался выгородить себя как истинно русского. Безусловно, это было связано с его собственной неуверенностью. И Пушкин всегда тыкал в эту неуверенность.

Вот вы спрашиваете: кровь усиливает... или — ослабляет? Иногда она, может быть, сообщает некий внутренний драйв, но этот драйв возможен только тогда, когда человек прочно стоит на основании своей идентичности. Тому же Владимиру Далю, настолько внутренне русскому, немецкое происхождение придавало его русскости дополнительную динамику. А мы сейчас живём в другой век — век этнических протеев. Людей, которые, приходя в какую-то компанию, начинают выторговывать себе более высокий статус. Вот-де, я так-то, конечно, русский, но и немножко армянин, поэтому давайте вы будете со мной возиться. И если в этой компании заявляются яркие и резкие русские тезисы, сразу возникает: «А как же быть со мной?» И вот должно собраться много миллионов русского народа и не заниматься собственными проблемами, а решать, как самоопределился сему индивиду. Классический пример — Дмитрий Львович Быков, который очень любит порассуждать на эту тему. В течение более

чем десятка лет, сколько я с ним знаком, большей частью этого времени я его не знаю и знать не хочу как, впрочем, и он—меня. В своих романах Дмитрий Львович пишет бесконечные пародии на Холмогорова...

— В том числе и в поэме «ЖД», как он по-гоголевски именуется равновеликий ему фолиант?

— В «ЖД» его главный отрицательный персонаж— это прежде всего Холмогоров, он же—Косогоров. Я вообще сыграл видную роль в творчестве Дмитрия Львовича. Но настолько не почувствовать никаких бытовых черт, дать вместо живого обезличенный, карикатурный образ?..

— Ну, может, так ему изначально хотелось?

— Хотелось, но не получилось. Потому что это сделано на редкость бездарно. Так вот, Дмитрий Львович очень любит, чтобы все сто пятьдесят миллионов русских на всём пространстве СНГ занимались проблемой его идентичности. Вот это неправильно. Если человек хочет поддержать нацию, он её поддержит. И тогда для него эти вопросы: кто ты? какая у тебя кровь?—не принципиальны.

— А что касается есенинской обмолвки: «Затерялась Русь в Мордве и Чуду»?.. Про вас-то в этом смысле я что только в Интернете не читал: и что «у него мордвинские скулы», и что «он—из цыган», и что «дедушка у Холмогорова—еврей». Может, действительно русские «затерялись», и Холмогоров иже с ними?

— Как я уже сказал, мои дед и бабка—из Краснокамска. Но откуда возникла эта история, что Холмогоров—еврей? Моего деда звали Осип Холмогоров, получается—Иосиф. Это чисто старообрядческое имя. Это откуда же, откуда на Руси было полно Абрамов и Абрамовичей. Абрамовичей, которые никогда не становились Абрамовичами. А дальше уже разыгрывается фантазия. Кто обычно этим занимается? Скажу честно и открыто: прежде всего—сотрудники антиэкстремистских управлений соответствующих правоохранительных органов. Им не хватает эмоциональной сдержанности для того, чтобы просто наблюдать за русским национальным движением, отслеживать, чтобы не было никаких откровенных террористических проявлений, и они пытаются выстраивать провокации—бить по лидерам, компрометировать. И эта контора пишет, пишет и пишет... Причём—под копирку. Уже скучно читать: «Цыган, еврей...»

Со мной почему сложно? У меня как раз нет никаких проблем с идентичностью, в отличие от того же упомянутого Дмитрия Львовича. Это— настолько мимо, что я не понимаю, почему они тратят на это время. Возможно, целевой их аудиторией— начальству—сие просто-напросто нравится.

И они работают не столько на результат, сколько на то, чтобы доставить удовольствие своим начальникам.

— Вы помните тот момент в своей жизни, когда чётко себе сказали: «Я—русский националист!»?

— Это произошло довольно естественно. Перестройка пришлось на мои двенадцать-шестнадцать лет. Но уже в ту пору я был, скорее, такой национал-демократ. А моим кумиром—генерал де Голль, политическим идеалом—демократическая Франция, сильное национальное самосознание. И я испытал большой шок, когда выяснилось, что наши доморощенные либералы строят в России не национальное демократическое государство, а глубоко, тяжело и агрессивно антинациональное.

Мне было двадцать три. Я уже начал достаточно активно выступать в Интернете— сначала как православный автор, потом—постепенно всё больше затрагивая политические вопросы. И тогда я себя спросил: «Какая, собственно, твоя политическая позиция?» И никаких слов точнее, чем «Я—русский националист!», для определения того послания, с которым я решил обращаться к внешнему миру, у меня не нашлось. И до сих пор среди разнообразных понятий—консерватор и младоконсерватор, патриот и младопатриот, имперец и национал-имперец— всё равно ничего вернее, чем «русский националист», я не нахожу.

— А ежели расшифровать?

— Когда ты произносишь: «Я—русский националист!»—ты принимаешь очень важное обязательство не предавать русского братства. Тех людей, которые оказались слабее тебя, беднее, менее образованными, иногда—испорченнее тебя по каким-то нравственным качествам, людей, которым плохо, тяжело и они беззащитны. И если ты согласился с формулировкой: «Я—русский националист!»—ты принял этот принцип братства по крови.

Значит, ты уже не можешь отречься от этого братства. С любой другой позиции тебя можно легко перевести на то, что есть какая-то более важная идея, ради которой всех этих людей не жаль пустить под бульдозер и проехать по окровавленным костям, наматывая на его гусеницы трупы, к какому-то там светлому будущему. Но как только ты сказал: «Я—русский националист!»—ты отказываешься ехать бульдозером по людям, пускать под нож своих братьев по крови ради какой-то очередной великой, но абстрактной цели.

— Любопытно, как на этот вопрос в своё время ответил главный редактор журнала «Москва», писатель Леонид Бородин, приехавший до вас в Пермь, как и Егор Холмогоров, в рамках проекта «Русские встречи». «Что касается меня,—заметил

он, — то я никогда русским националистом не был. Потому что считаю для себя это унижительным. Национализм может быть у малых народов».

— Это старый имперский взгляд. К сожалению, весь наш имперский патриотизм превратился в имперский иллюзионизм. Представьте: здесь и сейчас стоит негодяй и режет голову русскому подростку, а кто-то, глядя на этого негодяя и на то, что он вытворяет, рассуждает о том, что наша имперская миссия вынуждает нас всё это терпеть, не идти ни на какие радикальные решения.

Ситуация, когда нужно действовать, помогать и уже потом — понимать, как вписать результаты своих действий в какую-то идеологическую имперскую парадигму, заменяется на упрёк в адрес тех, кто бросается на помощь и предлагает какие-то конкретные шаги вплоть до очень умеренных, например — фиксацию в Конституции России статьи о праве русского народа на Российское государство. Оказывается, что уже даже это неприемлемо с точки зрения имперских идеалов! То же самое — с малым народом.

— Я сейчас подумал: может, русские уже начинают превращаться в малый народ, если сегодня требуется их защита?

— Давайте осознавать реальность: если мы будем продолжать нынешнюю национальную и миграционную политику, русские превратятся в малый народ. На самом деле нас уже сейчас нужно защищать, в том числе и методами малого народа тоже. Нам уже нужны акции по компенсации понесённых потерь, потому что те потери, которые русские понесли за двадцатый век, — культурные, исторические, в плане самосознания — они совершенно чудовищные. Сначала рушила советская власть, потом она просто давила плитой, затем эта плита рухнула сама, и начался новый антирусский поход — та бовещина, что была представлена, в частности, Маратом Гельманом на подмостках Перми.

Отсюда — одна из важных вещей, к которой мы пришли с моими друзьями примерно в две тысячи пятом году. Это то, что по отношению к русским людям нужно очень чётко заниматься правозащитной деятельностью. То есть брать конкретные ситуации и в этих конкретных ситуациях защищать каждого конкретного русского человека.

— Тогда существует ли для вас разница между понятиями «националист» и «патриот»? Или это — синонимы?

— Мне бы очень хотелось, чтобы никакой разницы не было. Для меня всегда очевидно, что если я — русский националист, значит, я за русскую нацию, соответственно, я — патриот России как государства русского народа. Очень болезненная и опасная тенденция, когда коррумпированные

элементы власти проводят коррупцию идеи и принципы русского патриотизма. Когда достаточно громко провозглашается: если ты — патриот, ты должен быть за начальство, которое давит русских, и ты не должен защищать практических интересов русского народа.

А если ты — за русских, ты не патриот, ты вообще наци или какой-нибудь национал-оранжист (выдумали и такую дразнилку!). Если человек, называющий себя патриотом, переходит в эту команду, начинает костерить своих собратьев-националистов и хвалить и брать под защиту самое антинациональное в нашем государстве, на мой взгляд, этот человек уже перестал быть патриотом в том смысле, который был для нас актуален и в девяностые, и большей частью в нулевые годы. Это уже что-то другое. По сути — очередная риторика и ширма всё той же войны против русского народа.

— А как вы тогда трактуете расхожую фразу, которую приписывают Льву Толстому, а на самом деле она принадлежит англичанину Самюэлю Джонсону: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяя»? Я заметил, что при любом споре о национальных узлах противная сторона в качестве «последнего аргумента» швыряет вот эту козырную карту, на поверку оказывающуюся краплёной...

— Вы правы: это любимая карты демшизы. Они просто не знают, по поводу чего была произнесена и что практически означала эта фраза. Дело в том, что в Англии восемнадцатого века не существовало призывной армии. Она была наёмной. Грубо говоря, ты берёшь у вербовщика королевские сорок шиллингов — и ты теперь солдат Его Величества. Идёшь воевать под Ватерлоо, в Индию, в Америку — куда угодно. Кто шёл в эту армию? Преступники, мелкие и крупные жулики, люди, по которым плакала виселица. Те самые негодяи. И вот ты, даже если ты негодяй и по тебе плачет виселица, становишься патриотом, потому что теперь на тебе красный мундир и ты проливаешь кровь за короля.

Ясное дело: эта фраза не имела ничего общего с утверждением, что патриоты состоят из негодяев. Но её начали потом использовать в своих хитроумных целях те, кому это было выгодно.

— По одному из ваших утверждений, русская культура замерла в конце семнадцатого столетия. Дальше, с приходом Петра Первого, начался (цитирую) «трёхсотлетний шизофренический разрыв». Петра, конечно, сложно назвать русским националистом, но в звании патриота России ему, по крайней мере, не отказывают. Однако, по-моему, разрыв, о котором речь, — более чем трёхсотлетний. А двадцатый век? А первое десятилетие двадцать первого?

— В русской истории было много разрывов. Понятное дело, что существовал страшный разрыв, связанный с монгольским нашествием, когда было уничтожено огромное количество материальных и духовных ресурсов, носителей культуры, когда фактически русские были поставлены на грань жизни и смерти. В то время как Западная Европа развивалась и из своей дифференцированной сложности вырабатывала высокий феодализм, капитализм, Ренессанс и так далее, Русь была вынуждена в эти столетия выживать.

И то, что наши евразийцы любят с современных позиций заявлять, что вот-де мы жили в гармонии с монголами и наконец-то обрели с ними свою самобытную государственность, с моей точки зрения — набор тяжёлого бреда. Русские выживали. Но выживали так хорошо, что в конечном счёте выжили степняков со всей территории Великой степи и отовсюду.

И вот миссия некоего идеального Петра Великого состояла бы в том, чтобы взять эту русскую культуру, каковой она была в семнадцатом веке — в переплетении собственно русского, византийского и монгольского начал, вынуть монгольское начало и вернуть на его законное место начало европейское. Пётр сделал прямо противоположное. Он извёл византийское начало и на его место поставил европейское. То есть в итоге вместо России, Руси как византийско-европейского синтеза, которым она была при Владимире Мономахе, мы получили жутковатую Евромонголию — ситуацию, при которой европейские ценности и культура высшего класса осуществляются через монгольское пренебрежение личности и народа.

Вместо органичного русского синтеза мы получили двойное отрицание. Отрицание русского мира и русского начала — и с точки зрения Азии, и с точки зрения Европы. В модификации этого страшного двойного отрицания мы в каком-то смысле находимся и по сей день.

— *И перспектива преодоления «трёхсотлетнего шизофренического периода» у нас невелика?*

— У нас не столько невелика перспектива, сколько мало времени. Ясно: русская национальная революция, мирная или немирная в зависимости от того, насколько жёстким будет сопротивление верхушки, — она созревает. От неё никуда уже не деться. Первые её раскаты на Манежской площади сегодня уже слышны очень отчётливо. И я прекрасно знаю, что во всевозможных кабинетах этой революции боятся и пытаются осознать, что с ней делать. Но я боюсь, собственно, одного: мы потеряем время, не успеем до того, как нашу страну охватят те демографические катастрофические процессы, которые просто убьют Россию и русский народ окончательно. У нас есть запас буквально

ещё в несколько лет. Причём к концу этих лет ситуация будет утяжеляться и утяжеляться.

— *Вы называете себя «врагом номер один всех русофобов». В своё время на этот статус претендовали создатель общества «Память» Дмитрий Васильев, лидер РНЕ Александр Баркашов, даже благословлённый Кремлём Дмитрий Рогозин, стоявший у руля партии «Родина». Их либо третируют, либо дискредитировали, либо отсылали на «исправление», поманив калачом нового назначения... Где гарантия, что Егора Холмогорова не постигнет та же участь? И вообще — всех тех, кто называет себя «врагом русофобов»?*

— Понимаете, это не столько всё-таки я набился на этот статус, сколько они сами для себя так определили. Я этот вывод сделал не из того, что, условно говоря, с нынешнего дня решил, что буду главным врагом всех русофобов. А из того, что именно русофобской частью нашей общественности была развязана кампания, не сопоставимая по степени грязи ни с чем. Она велась против меня. Не щадили никого: ни меня самого, ни семью, ни предков, ни маленьких детей. И если была бы возможность схватить меня и сжечь, меня бы, конечно, схватили и сожгли. И в этом смысле верить не надо никому. В том числе — не надо верить и мне. Я не могу бить себя в грудь и кричать: «Русские люди, я вас никогда не предаю!»

Есть такой фильм — «От заката до рассвета». Там группа героев борется с вампирами. Но если вампир кого-то чуть-чуть куснёт, тот сам неминуемо превращается в вампира. И протестантский священник, который участвует в этой схватке, говорит, что если вампир укусит меня, убивайте меня, не задумываясь. Знайте, что это уже не я. Поэтому любой честный русский лидер должен сказать: «Не верьте мне до конца! И если я предал, если вы увидите во мне следы поведения вампира, убивайте меня». Значит, в дальнейшем не надо воспринимать этого человека в качестве лидера.

Возьмём того же Рогозина. Однажды он заявил: дескать, русским националистам хватит мёрзнуть на русских маршах — надо идти в кабинеты, где принимаются решения. Я написал в блоге: «Ребята! Ой-ёй. Очень плохая, опасная фраза. Она означает, что этот человек начал нами торговать». Причём торговать не лояльностью к Владимиру Владимировичу Путину (пусть они любят друг друга «от заката до рассвета») — он начал нами торговать по практическим вопросам. По вопросам конкретных правозащитных акций и конкретной протестной активности.

Проходит два дня. И как, вы думаете, ведёт себя господин Рогозин в принципиальнейшем для русских националистов деле «достоинства дагестанского народа» борца Расула Мирзаева?

— Это — который убил в Москве русского юношу Ивана Агафонова? Известный боец смешанных единоборств?

— Да, того самого Мирзаева, которого вся дагестанская диаспора пыталась вытащить из тюрьмы, где он сидел под стражей только потому, что фактически русская молодёжь пригрозила новой Манежной площадью (в противном случае он был бы отпущен под залог и скрылся бы где-нибудь за границей). Rogozin заявил примерно следующее: «А мне кажется, что Мирзаев поступил по-человечески оправданно, и русская молодёжь на провокации не поддастся, и никаких новых Манежных не будет».

Причём я прекрасно понимаю, что Дмитрию Олеговичу не выкручивали руки, не отбивали пальцы, чтобы он это сказал. Человек сам вызвался выступить в качестве штрейкбрехера. О чём это говорит? О том, что, в принципе, может предать любой лидер. Что прочность у каждого человека своя и подчас её ресурс очень ограничен. Поэтому не нужно верить в лидеров — нужно верить в принципы.

— Возможно ли в России возникновение «Русской партии», которая реально бы смогла преодолеть пресловутый процентный барьер для прохождения в Госдуму? Или русский народ настолько пассионарно надломлен и зомбирован, что не в состоянии различить, где для него благо, а где — зло?

— Дело вообще не в русских. Это чисто административный барьер. Со стороны партии власти

есть чёткое осознание того, что если появится сила, серьёзно выражающая русские националистические настроения, она будет одной из доминирующих даже при нашем не очень честном голосовании. Поэтому эти партии до голосования не допускались. Во всяком случае, так было. В две тысячи третьем году возникла, что называется, экстренная ситуация, когда сразу несколько партий купил Ходорковский, и тогда поступила срочная команда: создавать блок «Родина», который в значительной степени был проводником и националистической идеологии тоже. Однако «Родине» не дали дожить даже до следующих выборов. Уничтожили, не дожидаясь. На выборах две тысячи седьмого года была такая довольно-таки слабенькая сила — «Народный союз» Сергея Бабурина. И её сняли с предвыборной дистанции!

Что касается дальнейшего, то даже не попытались дать политическое оформление и представительство националистическим настроениям. Но это не вопрос политической неспособности и пассионарной ослабленности русского народа. Это вопрос исключительно того, что наша административная система построена на категорическом репрессировании любых попыток русских получить прямое политическое представительство. Вы прекрасно знаете: вот есть пермский звериный стиль. И когда ты постигаешь его знаки и символы, то, полюбовавшись на трёхглавых коршунов, начинаешь сомневаться: нет ли у российского орла дефицита одной головы?